

Свѣдѣнія о предкахъ Гоголя.

Шечатныя свѣдѣнія о предкахъ Гоголя до сихъ поръ не точны, потому что единственнымъ ихъ источникомъ служить показаніе дяди Гоголя, Аѳанасія, о своемъ происхожденіи, представленное имъ въ Кіевское дворянское депутатское собраніе въ 1788 г. и сохранившееся въ „дѣлѣ“ о дворянствѣ Гоголей, хранящемся въ Полтавскомъ дворянскомъ архивѣ. На основаніи данныхъ этого „дѣла“ мы когда-то напечатали (Русск. Арх. 1875 г., I, 451) краткое родословіе Гоголей, съ поясненіями къ нему, взятыми изъ показанія Аѳанасія Гоголя. Въ этомъ краткомъ родословіи значится, что родоначальникомъ Гоголей былъ козацкій Могилевскій полковникъ Евстафій Гоголь, получившій въ 1674 г. за свою службу отъ польскаго короля с. Ольховецъ; что у Евстафія былъ сынъ Прокофій, а у Прокофія—Янъ, которые оба были „польскими шляхтичами,“ и что, наконецъ, у Яна былъ сынъ Демьянъ, священникъ Лубенскаго села Кононовки, и отъ этого Демьяна и родился самъ „показатель“—Аѳанасій Гоголь. Новѣйшій біографъ Гоголя, В. И. Шенрокъ

(„Ученическіе годы Гоголя“) это краткое родословіе распроетра-
няетъ болѣе подробными свѣдѣніями. Онъ говоритъ, что „родъ
Гоголей, подобно многимъ другимъ, подчинился чуждому вліянію
и въ лицѣ двухъ своихъ представителей (разумѣются Про-
кофій и Янъ) вступилъ было въ ряды польскаго шляхетства,
но вскорѣ возвратился къ православной вѣрѣ и родной Укра-
инѣ. Временное уклоненіе въ католицизмъ (!), очевидно, было
вызвано щедрымъ королевскимъ даромъ Остапу (т. е. Евста-
фію) Гоголю, которымъ предоставлялось ему право наслѣд-
ственного владѣнія надъ помѣстьемъ Ольховцами, съ женой и
сыномъ“. Г. Шенрокъ не указываетъ особаго источника для
своего категорическаго извѣстія о католичествѣ предковъ Го-
голя, но такъ какъ на той же страницѣ, гдѣ говорится о
„временномъ уклоненіи въ католицизмъ“ Прокофія и Ивана
Гоголей, упоминается о дѣдѣ и прадѣдѣ Гоголя и сдѣлана ссы-
лка на „Русск. Арх. 1875 г., стр. 439,“¹⁾ то мы, повидимо-
му, безошибочно можемъ заключить, что наше коротенькое
извѣстіе о „польскомъ шляхетствѣ“ Прокофія и Яна Гоголей
было единственнымъ для г. Шенрока источникомъ для извѣс-
тія объ ихъ католичествѣ. Интересно, что тутъ же г. Шен-
рокъ приводитъ и мотивъ для послѣдняго: „щедрый даръ“
короля отцу Прокофія, полковнику Евстафію Гоголю, „помѣстья“
Ольховца...²⁾

Разумѣется, эта догадка почтеннаго біографа Гоголя—
о католичествѣ его предковъ—не имѣетъ ни малѣйшаго исто-
рическаго вѣроятія.

Тенденція производить себя изъ польскаго шляхетства
явилась у малорусской козацкой старшины въ началѣ второй

¹⁾ Здѣсь, на стр. 439, помѣщена наша статья о Гамалѣяхъ, а свѣдѣніе о
Гоголяхъ помѣщено *вслѣдъ за нею*, на стр. 451.

²⁾ Т. е. сынъ полковника благодарилъ короля за „щедрый даръ“ отцу—
принятіемъ католичества, или—отецъ-полковникъ въ благодарность—перемѣнилъ
религію сына?..

половины XVIII в., когда эта старшина вспомнила о старомъ шляхетствѣ Украины, уничтоженномъ порядками Хмельницкаго. До Хмельницкаго существовала на ряду съ шляхтою польскою и шляхта русская, т. е. русскіе люди православной вѣры, получившіе шляхетство (нобилитацію) отъ польскихъ королей. Остатки этой русской шляхты существовали еще въ XVIII в., въ лицѣ Сулимъ, Пирецкихъ, Бакуринскихъ...¹⁾ Предки ихъ были русскими шляхтичами, что доказывалось юридическими актами. Какъ же было не вспомнить объ этомъ шляхетствѣ тому классу малорусскаго общества, который, по своимъ достаткамъ и по своему образованію, давно выдѣлился изъ народа... А тутъ подошла Екатерининская Коммиссія 1767 г., для которой въ Малороссіи требовался особый наказъ отъ „благороднаго шляхетства и рыцарства“. Кто же могъ явиться представителемъ этого сословія, какъ не козацкая старшина, давно уже получившая среди народа названіе „пановъ“, т. е. людей высшаго положенія. Этому нарождавшемуся сословію очень естественно было отождествлять себя съ старинною шляхтою.

Введеніе въ Малороссію общерусскихъ учреждений въ 1782 г. вело за собою установленіе здѣсь уже настоящаго, юридическаго дворянства. Но для полученія патента на это дворянство козацкая старшина должна была доказать свое „благородное происхожденіе“, а послѣднее доказывалось какъ разнаго рода юридическими актами, такъ и „свидѣтельствомъ двѣнадцати дворянъ о благородной жизни отца и дѣда“ лица, искавшаго дворянства. Юридическіе акты, доказывавшіе „благородное происхожденіе“, были только у ближайшихъ наслѣдниковъ чиновной старшины, генер. урядниковъ, полковниковъ, бунчуковыхъ товарищей и проч. Лицамъ, происходившимъ отъ худородныхъ

¹⁾ См. наши „Замѣчанія на монографію Д. П. Миллера о Малор. дворянствѣ и Статут. Судахъ“ (Харьковъ, 1899), стр. 7 и слѣд.

отцовъ и дѣдовъ, приходилось обращаться къ „свидѣтельству 12-ти дворянъ“. Но и здѣсь нужно было связать себя съ „благородными“ предками, нужно было хотя голословно указать по крайней мѣрѣ отца и дѣда, „службу, жизнь и состояніе благородно продолжавшихъ“. Вотъ тогда-то и явилась на подмогу память о старинномъ шляхетствѣ, т. е. найдено было приличіе всего и правдоподобіе указывать на *шляхетство* своихъ предковъ. Но малорусское общество привыкло связывать *шляхетство* съ Польшею, потому что оттуда шелъ этотъ общій титулъ „благороднаго состоянія“. Словами: „польское шляхетство“, „польскій шляхтичъ“, козацкая старшина опредѣляла то „благородное состояніе“, которое она такъ сильно желала себѣ присвоить. Но при этомъ съ понятіемъ о польскомъ шляхетствѣ вовсе не связывалось католичество; „польское“ шляхетство могло быть приобретено человѣкомъ и православнаго вѣроисповѣданія. Поэтому малорусская козацкая старшина, присваивая себѣ „польское“ шляхетство, разумѣется, не отождествляла послѣдняго съ католичествомъ. Это лучше всего видно изъ показаній лицъ, искавшихъ дворянства, когда они, называя какого-нибудь своего предка „польскимъ шляхтичемъ“, тутъ же добавляли, что онъ долженъ былъ оставить Польшу (собственно правобережную Малороссію, теперешній „Юго-Западный край“) и переселиться въ „Россійскіе предѣлы“ вслѣдствіе-де тамошнихъ гоненій на православіе...

Вотъ такими „польскими шляхтичами“ были и два указанные въ родословіи Прокофій и Иванъ Гоголи. Ни на какое католичество ихъ Аѳанасій Гоголь указывать, разумѣется, не могъ, а хотѣлъ только сказать, что это были люди не простые, а шляхтичи, получившіе это шляхетство въ Польшѣ и отъ Польши.—Доказывать свое „дворянство“ происхожденіемъ отъ польскаго шляхетства Аѳанасію Гоголю собственно не представлялось и надобности, такъ какъ на это дворянство

онъ имѣлъ и безъ того неоспоримое право, какъ по своему майорскому чину, такъ и по рангу своего пра-прадѣда, Могилевскаго полковника Гоголя, который кромѣ того былъ еще и владѣльцемъ пожалованной ему королемъ маентности. Документъ о полковничествѣ Гоголя былъ на лицо ¹⁾. Поэтому, упоминаніе о польскомъ шляхетствѣ Прокофія и Ивана являлось въ показаніи Афанасія Гоголя, такъ сказать, уже роскошью.

О представленной при „доказательствѣ“ дворянства королевской грамотѣ скажемъ нѣсколько словъ, потому что она служить единственнымъ юридическимъ доказательствомъ происхождения Полтавскихъ Гоголей отъ козацкаго полковника Гоголя. Этотъ документъ требуетъ нѣкотораго обслѣдованія въ виду того, что, при доказательствахъ дворянства, такихъ документовъ было представлено козацкою старшиною множество—*подложныхъ*. Но документъ Гоголей несомнѣнно подлинный. Во-первыхъ, для подлога этого документа не было особой нужды, потому что у Афанасія Гоголя и безъ него было несомнѣнное право на дворянство по его чину. А затѣмъ и по своему содержанію королевская грамота 1674 г. не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній. По этой грамотѣ король жалуетъ въ 1674 г., Гоголю, полковнику Могилевскому, „wieś“ Ольховецъ за то, что тотъ, во-первыхъ, снова *вернулся* къ нему на службу, и во-вторыхъ, за то, что онъ, Гоголь, сдалъ полякамъ Могилевскую крѣпость (Могилевъ здѣсь разумѣется Подольскій). Эти факты исторически безус-

¹⁾ Приводимъ здѣсь конецъ этой грамоты по копіи, представленной въ дворянское депут. собраніе и находящейся при „дѣлѣ“ о дворянствѣ Гоголей. Мотивъ пожалованія Ольховца объясняется такъ: „za zyczliwość ku nam y Rzptej urodzonego Hohola, . . . pólkownika naszego Mohilewskiego, którą nam w terazniejszych wyswiadczył czasiach, powróciwszy do obozu naszego, posłuszenstwo nam poprzyściągł y fortece Mohylewską oddał Rzptej; zachecając go do usług, wies Olchowiec nazwana... dajemy jemu, tak samemu, jak y terazniejszey małżonce jego, a po śmierci ich, syn ich urodzony Prokop Bałacko (или—Batacko) Hohol także prawem dożywotnim zażywać będzie . . . („Dan w obozie pod Kalniekiem, dnia 6 m-ca grudnia 1674 r.“).

ловно вѣрны, такъ какъ извѣстно, что этотъ самый Гоголь, передъ тѣмъ именуясь полковникомъ Подольскимъ, присягалъ, въ числѣ прочей правобережной старшины, въ мартѣ 1674 г. (въ Переяславѣ) на вѣрность царю, а въ іюнѣ того же года, Самойловичъ доносилъ въ Москву уже о „злыхъ поступкахъ“ Гоголя, заключавшихся въ томъ, что онъ, „оставя къ царскому величеству свои склонности, на тѣхъ дняхъ вдался и *ввелъ къ себѣ въ Могилевъ* на заставу (т. е. дозволилъ занять Могилевъ польскому отряду) нѣкоторого Александра Совецкаго, городничего Кіевского“¹⁾. Вотъ за эту отдачу Могилевской „фортецы“, король и наградилъ Гоголя селомъ Ольховцемъ, въ которомъ слѣдуетъ видѣть теперешнее мѣстечко Ушицкаго уѣзда; оно дѣйствительно могло быть жалуемо королемъ въ 1674 г., потому что въ это время значится въ числѣ *королевскихъ имѣній* ²⁾. Въ виду этихъ данныхъ, представленная Аванасіемъ Гоголемъ королевская грамота 1674 г. и должна бытъ признана достовѣрнымъ актомъ³⁾. Потому же вѣрно въ ней указаніе и на сына полковника—Прокофія, о которомъ другихъ упоминаній, кромѣ королевской грамоты, мы не знаемъ⁴⁾. Да вѣроятно о Прокофіи Гоголѣ и

¹⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, XI, 408—411 и 469.

²⁾ Труды Подольск. епарх. ист.—статист. комитета, вып. IX, стр. 988.

³⁾ Любопытно, что, представляя эту грамоту, Аванасій Гоголь называетъ полковника не Евстафіемъ, а Андреемъ („предки мои фамилію Гоголи, пра-прадѣдъ Андрей Гоголь былъ полковникомъ Могилевскимъ“...). Дѣло въ томъ, что въ грамотѣ имя полковника Гоголя не обозначено, но въ началѣ ея говорится, что прежнимъ владѣльцемъ Ольховца былъ *Андрей*, и послѣ этого слова слѣдуетъ пропускъ (можетъ быть переписчикъ не прочелъ подлинника). По этому основанію Аванасій Г-ль и призналъ, что Андреемъ звался самъ полковникъ... Такимъ образомъ пра-правнукъ уже *не зналъ* имени своего пра-прадѣда, хотя это былъ человекъ видный, о которомъ можно было справиться и въ книгахъ... Кстати, мы можемъ объяснить, какого Андрея разумѣтъ грамота: это былъ „*Adryan Jaszu-mirski, podczaszy podolski*“; онъ указанъ, какъ владѣлецъ Ольховца въ 1616 г., по одной изъ люстрацій. См. *Żródła Dz.*, V, 66.

⁴⁾ При упоминаніи о Прокофіи, грамота указываетъ и другое его прозвище кромѣ Гоголя—Батачко (или Балачко?) Вѣроятно, это было *личное* Прокофія прозвище.

не было никакихъ другихъ письменныхъ свѣдѣній и у его правнука Аѳанасія Гоголя: иначе онъ бы не приминулъ ихъ представить туда же, въ депутатское собраніе. Аѳанасій Гоголь говоритъ, что Прокофій умеръ въ „Польшѣ“ (т. е. въ Подоліи) и что, только по смерти Прокофія, сынъ его Янъ Гоголь, „оставя въ Польшѣ имѣнія свои, вышелъ въ Россійскую сторону“ и оселился въ Лубенщинѣ, въ с. Кононовкѣ, „считаясь шляхтичемъ“. О выходѣ дѣда и Яна изъ правобережной Малороссіи въ Лубенщину Аѳанасій Гоголь конечно могъ помнить (Аѳанасій род. въ 1738 г., а „Янъ“ умеръ не позже 1723 г.) и потому показаніе его объ этомъ „Янѣ“ слѣдовало бы считать точнымъ. Но другія данныя заставляютъ предполагать, что Аѳанасій Гоголь о своемъ дѣдѣ сообщаетъ свѣдѣнія неточныя. Неточность заключается въ томъ, что Аѳанасій Г. называетъ „Яна“ сыномъ Прокофія и что онъ, называя „Яна“ шляхтичемъ, не говоритъ о томъ, что этотъ дѣдъ его былъ такимъ же священникомъ с. Кононовки, какъ и отецъ. (На священство послѣдняго Аѳанасій Г. точно указываетъ въ своемъ „доказательствѣ“). Случайно встрѣтились намъ юридическіе акты, свидѣтельствующіе, что Янъ Гоголь по отцу назывался не Прокофьевичемъ, а *Яковлевичемъ*, и что онъ же, Янъ, въ 1697 г. былъ викаріемъ Лубенской Троицкой церкви, а въ 1723 г. священникомъ с. Кононовки. Эти данныя находятся въ трехъ „ставленныхъ“ грамотахъ, хранящихся у священника с. Олефировки, Миргородскаго уѣзда, о. Владиміра Яновскаго ¹⁾). На основаніи этихъ грамотъ родословіе Гоголей, напечатанное въ Русск. Арх. 1875 г., измѣняется и пополняется такимъ образомъ.

¹⁾ Свѣдѣнія объ этихъ „ставленныхъ“ грамотахъ приведены О Владиміромъ Яновскимъ при описаніи имъ церковныхъ памятниковъ с. Олефировки, составленномъ въ 1887 г. по программѣ Академіи Художествъ (для собранія свѣдѣній объ архитектурныхъ церковныхъ памятникахъ). Записка о. Вл. Яновскаго, въ числѣ прочихъ была прислана на Кіевск. археологич. съѣздъ 1899 г. Здѣсь мы и пользовались.

1. Иванъ („Янъ“) — не сынъ Прокофія, какъ было сказано на основаніи показанія Аѳанасія Г., а сынъ Якова, и не „польскій шляхтичъ“, а священникъ — сначала, викарій Лубенской Троицкой церкви, въ 1697 г., а позже — священникъ с. Кононовки, въ 1723 г.

2. Демьянъ Ивановичъ (по ставленной грамотѣ — Яновскій), сынъ Ивана Яковлевича и священникъ того же с. Кононовки, въ 1731 г.

3. Кирилъ Яновскій, священникъ с. Кононовки, сынъ Демьяна.

4. Аѳанасій, дѣдъ Н. В. Гоголя, второй сынъ Демьяна.

5. Меркурій Яновскій, священникъ с. Кононовки, сынъ Кирилла.

6. Савва Яновскій, священникъ с. Олефировки, второй сынъ Кирилла.

7. Василій, сынъ Аѳанасія и отецъ Н. В. Гоголя.

Отсюда мы видимъ, что дѣдъ Аѳанасія Г. жилъ и священствовалъ еще въ 1723 г.; этого факта Аѳанасій Г. едва ли могъ не знать. Могъ онъ не знать, что дѣдъ его былъ сыномъ не Прокофія, а какого-то Якова, но почти несомнѣнно, что зналъ онъ о его священничествѣ въ томъ же селѣ, гдѣ священствовалъ и отецъ Аѳанасія — Демьянъ. Можно думать, что Аѳанасій Г. умышленно скрылъ фактъ священничества своего дѣда Ивана, потому что не любила перерождавшаяся въ дворянство козацкая старшина связывать свое происхожденіе съ лицами духовнаго и посполитаго состоянія. Поэтому, священники превращались въ „польскихъ шляхтичей“, а какіе-нибудь бургомистры — въ сотниковъ. Это обычное явленіе въ старинныхъ родословіяхъ.

На основаніи приведенныхъ данныхъ мы видимъ, что родоначальникомъ Гоголей долженъ считаться Евстафій Гоголь, полковникъ сначала Подольскій, а потомъ Могилевскій. Онъ

былъ живъ еще и въ 1674 г. имѣлъ въ это время уже взрослого сына Прокофія. Затѣмъ въ концѣ XVII в. является священникъ Иванъ Яковлевичъ, котораго связываетъ съ полковникомъ Гоголемъ только семейное преданіе, преданіе не совсѣмъ точное уже и потому, что оно отцомъ этого Ивана называетъ сына полковника—Прокофія, а не Якова, указываемаго въ „ставленной“ грамотѣ. Былъ ли этотъ Яковъ сыномъ или братомъ Прокофія—остается неизвѣстнымъ. Слѣдуетъ полагать, что Иванъ Яковлевичъ долженъ былъ происходить отъ полковника Гоголя, потому что у него повидимому сохранилась королевская грамота на Ольховецъ, представленная затѣмъ внукомъ его въ депутатское собраніе. Иванъ Яковлевичъ имѣлъ одного сына Демьяна, а у Демьяна, *именовавшегося уже не Гоголемъ, а Яновскимъ*, было два сына, Кириллъ и Аѳанасій. Первый изъ нихъ, Кириллъ, унаслѣдовалъ отъ отца Кононовскій приходъ, а второй, Аѳанасій, пошелъ по другой дорогѣ. Аѳанасій рассказываетъ о себѣ, что родился онъ въ 1738 г. (этотъ годъ виденъ изъ показанія возраста Аѳанасія въ 1788 г.), учился въ Кіевской академіи, послѣ которой поступилъ, въ 1757 г., въ гетманскую канцелярію; въ той же канцеляріи оставался онъ и при Румянцовѣ (П. А.), наградившемъ Аѳанасія Г., по его словамъ *въ 1782 г.* (годъ введенія въ Малороссію общерусскихъ учреждений), *чиномъ* полковаго писаря. Все это факты обычные для того времени, но необычнымъ фактомъ была женитьба „поповича“ Аѳанасія Г. на дочери бунч. тов. Семена Семеновича Лизогуба, человѣка, принадлежавшаго къ „вышему“ мѣстному обществу. С. С. Лизогубъ былъ, во-первыхъ, родной внукъ гетмана Скоропадскаго, получившій богатые дѣдовскія маестности (сс. Буровку, Выхвостовъ, Невклю, Ловинь...), а во-вторыхъ, это былъ зять Переяславскаго полковника Василя Танскаго; на дочери этого Лизогуба, Татьянѣ Семеновнѣ, и женатъ былъ Аѳанасій Гоголь.—Такъ какъ въ 1788 г. сынъ отъ этого

брака, Василий, имѣлъ уже чинъ корнета, то Аѳанасій Г. женился на Лизогубовѣ приблизительно въ 1770 г., т. е. тогда, когда онъ, Аѳанасій, былъ совсѣмъ еще незамѣтнымъ человѣкомъ среди Глуховскихъ канцеляристовъ... Во всякомъ случаѣ, бракъ Аѳанасія Г. съ дочерью Лизогуба былъ фактомъ необычнымъ. За женою Аѳ. Г. въ „посагъ“ получилъ, по его собственнымъ словамъ, нѣсколько десятковъ крестьянскихъ дворовъ (изъ материнскаго имѣнія) въ с. Келебердѣ и Купчинѣ, въ которыхъ, по вѣдомости 1782 г., считалось 268 крестьянъ, м. и ж.¹⁾ Какъ видимъ, „посагъ“ былъ не малый для ничѣмъ незамѣтнаго канцеляриста. Быть можетъ, эта женитьба и дала возможность Аѳанасію Г. подняться выше прежней среды: получивъ въ 1782 г. чинъ полкового писаря, онъ черезъ шесть лѣтъ былъ уже секундъ-майоромъ. Правда, Румянцевъ не скупился на чины при раздачѣ ихъ малороссіянамъ, желая тѣмъ скорѣе замѣнить козацкую старину великорусскими порядками, но все-таки чинопроизводство Аѳан. Г. прошло быстро. Единственный сынъ послѣдняго—Василій, родился въ то время, когда отецъ его еще не вышелъ изъ сѣрой массы Глуховскихъ чиновниковъ, но выросъ уже въ обстановкѣ состоятельнаго „пана“, а послѣ смерти отца, имѣлъ уже полную панскую обстановку, съ достаточнымъ количествомъ земли и крестьянскихъ „душъ“... Въ такой же обстановкѣ родился и авторъ „Мертвыхъ Душъ“.

14 октября, 1901 г.

Ал. Лазаревскій.

¹⁾ По вѣдомости о населеніи Малороссіи въ 1780 г., составленной при раздѣленіи послѣдней на три намѣстничества, въ сотнѣ Шишацкой, Миргородскаго полка, показанъ „Хуторъ Купчинскій бунч. товар. Лизогуба“, а въ немъ 16 двор. съ 16-ю хатами. Отсюда видно, что женивъ „посагъ“ Аѳанасій Г. получилъ гораздо позже женитьбы. Этотъ хуторъ Василій Аѳанасевичъ Г. переименовалъ въ *Васильевку*. Здѣсь и родился Н. В. Гоголь.